

Мелентьевские рассказы

Материал для данной публикации был собран в д. Мелентьево Авдеевского с/с Пудожского р-на Республики Карелия участниками Пудожской экспедиции Российско-французского центра исторической антропологии им. М. Блока Российского государственного гуманитарного университета (руководитель — А.А. Топорков).

Мелентьево — одна из самых красивых деревень на берегах Купецкого озера. Здесь еще сохранились традиционные для Русского Севера постройки, с мыса открывается замечательный вид на озеро и белуюшную на противоположном берегу Покровскую церковь. Фольклористам Мелентьево известно прежде всего как родина замечательного сказителя былин Г.А. Якушова.

...Когда мы пришли к Ольге Семеновне, она сидела в полутемных сенях, увешанных свисающими с потолка пучками сушеных трав, и чистила картошку. Мы еще и слова сказать не успели, а Ольга Семеновна уже: «Ой, проходите, проходите, крещоноушки! Чьи будете? Проходите в избу! Не стесняйтесь, проходите!» Все было так, будто старушка давно-давно ждала нас. И не успели мы задать первый вопрос, как она уже начала рассказывать историю своей жизни.

Ольга Семеновна Терехова (в девичестве Титова) родилась в 1925 г. в д. Новинка (часть нынешней д. Бураковой), что на восточном берегу Купецкого озера. Отец ее закончил три класса церковно-приходской школы, служил 10 лет в царской армии, пел в церкви на клиросе, знал много сказок (от него их переняла и Ольга Семеновна, но теперь, к сожалению, уже все забыла). В доме было много церковнославянских книг и икон. Мать, напротив, была неграмотной, зато знала заговоры. Перед войной хозяйстве отца Ольги Семеновны признали за хутор, семью выселили из дома, не разрешив взять никаких вещей. Пришлось жить в сторожке на кладбище.

Наиболее яркие детские воспоминания Ольги Семеновны связаны с церковью и чтением. В Бураковой было две церкви — деревянная и каменная. Однажды маленькая Лёля попросила сестру отвести ее на колокольню: «Колокол такой хороший был, как зазвонит, везде по округе слышно, радость-то какая, веселье-то какое! Но вот народ ходил в церковь, все ходили, и маленьких нас водили. Ну, и роскажи еще одному. Это, сама-то колокольня там выше-окая была. А у меня старшая сестра <...> а я прошу её: "Мария, сведи меня, вот, на колокольню!" А лестниц-то много туда, а я ещё небольшая была, ну, может, пять лет либо шесть, так было. Вот сходила всё ж таки. А там забоялась [смеется]: "Ой, Маруся, пойдём об-

ратно домой!" — чуть не плачу». Помнит Ольга Семеновна и как разбирали в 1930 г. деревянную Георгиевскую церковь: ребяташкам очень понравились крашенные дощечки из церкви.

В детстве и позже Ольга Семеновна очень любила читать: «О-о, я книги всякие любила <...> Не на што купить керосину, а мне читать хочется, вот сидели с мигалкой. Без стекла, а токо один этот фитиль горит тихонечко, и я могу сидеть, а и часов у нас тогда не было, а жили по петухам <...> Я книги читала запоями <...> Сейчас бы я видела читать, дак дивья бы было» (дивья — очень хорошо). Среди любимых книг были «Униженные и оскорбленные» Ф.М. Достоевского и один из романов В. Гюго. Кроме того, у отца Лёля научилась читать церковнославянские книги.

Когда началась финская, а потом и Отечественная война, Ольга Семеновна возила эвакуированных на лошади в тыл, участвовала в строительстве аэродромов в Пудожском р-не. После окончания курсов радистов работала в освобожденных городах Карелии. После войны вернулась домой и всю жизнь проработала телефонисткой на авдеевской почте. Вышла замуж на противоположный берег родного озера — в д. Мелентьево, где мы с ней и познакомились. Родила шестерых детей.

Среди рассказов Ольги Семеновны особое место занимают былички. Нам довелось услышать истории о встречах с лешим, о том, как околдовали родную сестру сказчицы, о летучей змее на пожне, а также рассказ о разрушении церкви в д. Бураковой в 1930 г. и каре, постигшей разрушителей.

Ольге Семеновне приходилось пользоваться и приемами повседневной магии. У нее была даже специальная тетрадь, куда она записывала различные заговоры, похоронные и свадебные причеты, которые узнавала сначала от мамы, потом от разных старушек. Тетрадь эту она хранила под тряпками на кровати. Но как-то после ремонта тетрадь пропала. Несколько заговоров Ольга Семеновна все же вспомнила по нашей просьбе: оберег дома на ночь, молитвы-обереги на «темную nochеньку» и на «день Господень», любовный заговор, заговор от змеиного укуса, ритуал выведения насекомых на Ивандень с приговором.

К сожалению, письменная запись рассказов Ольги Семеновны не передает всего ее обаяния. Ее рассказы богаты интонационными оттенками, сопровождаются жестами. Так, например, рассказывая о своей встрече с лешим, Ольга Семеновна вышла из-за стола, за которым сидела, и встала на четвереньки (!), изображая лесного хозяина.

ЗАГОВОРЫ И МОЛИТВЫ

Оберег дома; от змеиного укуса

[Вот вы поднимали избу домкратом, хозяина не побеспокоили?] Да, не знаю, тут бабушка всё была живёт, наверно, если што и знала, она дак, она уж тут, што, а я ничё не знаю, всю жись никакого слова не знала. Ну... не скрываю, скажу, как стану спать ложиться, дак жожу-да [крестит все вокруг себя в избе и приговаривает]: «Сохрани, Господи, каждую дырочку, каждую щилочку, каждое местечушко, окошечко, дверцы, воротца, печушку, лежаночку, плиту, комнату, кухню, полы, потолки, фундамент под печкой, под лежанкой, под плитой, под комнатой, под кухней, на всю тёмную nochеньку. Аминь Господень. Аминь Господень. Аминь Господень». Вот мы делаем. В каждый вечер <...> Я много кой-чево знала, много. У меня была цела тетрадь. Но, а детушки собрались, у меня стали порядки наводить [тетрадь исчезла]. У меня в тетрадь я всё записывала. Вот укусы змеи. Ведь это... Тогда не было таких, штобы лечили врачи. А вот укусит — а куда? Да которые знала. «Около...» «Заговаривает раба Божья Ольга рабу Божью такую (там, раба Божьяго таково). Около синего моря ходит»... А, не так! «Стану перекрест... Сяду облокотясь, встану перекрестясь, пойду оборотясь. Пойду к синему морю. Около синего моря ходит царь-царевич Петр Петрович. Чего он ходит? — Воды ищет. — Куда ему вода? — На гажьи слова. — У меня во рту вода лучше тебя». Вот это помогало. Кака вот змея укусит, заговоришь, вот надо три раза заговаривать. Вот скажем, сведия заговорил, через како-то время — тожо опять заговорил. И на третий раз там. Через какой промежуток — я этово теперь не помню. И... помогало, сколько людей оставалось! Ну... в общем. А я это больше от мамы узнала. Мы жили когда в Бураковой, там была така Ольга Егоровна Юлегина, а её так сильно змея искусала. Кака-то летучая. Косили, и она откуда-то с травы вылетела, как красная какая-то. Ну вот. И её очень сильно. Она была уже... Врачи ничево не могли, она в Пудоже лежала и всё... А тогда в Пудоже больницы не такие были, как сейчас. И нигде ничего. Её привезли домой, ну што? — Ну умирать! А Егор Павлович идёт, а сам мамы-то мой: «Евдокия Иванна! Уж не хотел к Вам ходить, беспокоить, Вы-то ничего не знаете? У мяня Ольга-то, — говорит, — дак вот так и так, дак, наверно, умрёт». А мама ему, што: «Да, Вы раньше-то где были? Где Вы раньше-то были?» Надо было это уж на свежее всё это. Но, мама пришла, раз сходила, второй сходила, третий сходила, девочку вылечили. Выручили. Осталась здесь, потом уехала в Москву и там замуж вышла (зап. А.Б. Ипполитова, И.В. Лемешкин, М. Соучкова).

Молитвы на ночь и день

А я... тоже знала молитвы, а теперь никакой не знаю. Только знаю перекрестить глаза; спать ложусь, дак: «Сохрани, Господи, на всю тёмну ноченьку, рабу Божью Ольгу, моих дорогих детушек, дочерей и сына, невестку, зятёв, внучек, внуков, племянников на всю тёмну ноченьку. Дай, Господи, крепкого здоровья, хорошего зрения, благополучия морального (?), отведи от безумия, от лукавого. Аминь Господень, Аминь Господень, Аминь Господень на всю тёмну ноченьку». И так же утром встанешь, тоже такую же молитву. До сих пор ещё.

[А утром как?] А утром встанешь, прощёшься, помоешь лицо, кровать заправишь, лицо помоешь и тоже такую же молитву.

[Но уже не про ночь будет?] Но, на день Господень. Я ска: на тёмна ноченька, а тут на день Господень.

[И при этом перекреститься надо?] И перекреститься. Но, я крещусь, крещусь. Я старого закала, крещусь. [Три раза?] Но. Крещусь (зап. А.Б. Ипполитова, И.В. Лемешкин, М. Соучкова).

Ритуал выведения клопов и тараканов на Иванову ночь

У ково-ни заведутся насекомые — тараканы, клопы. Но, вот идёшь на улицу в двенадцать часов [ночи], штобы вас никто не видел, как вы пойдёте, и штоб на улице никто не видел. Вот надо собрать разных цветков. Всё разные. Штобы не повторялись одни и те же. Всё разные. Это уж надо заранее, што выглядывать, где какой цветок. Штобы никто не видел. И вот потом идти в дом и приговаривать. Вот так рукой ма-

шешь [цветы в правой руке, обходить дом изнутри по периметру и бить по стенам букетиком]: «Двенадцать цветочков в дом — тараканы, клопы с възбы вон!» И вот по всей по сеням пройдёшь, по кухне туда, в комнату, по всем стенам, опять сюда идёшь, идёшь, идёшь, опять потом... Ну, в общем, по всей... И под крыльцо спустишься, тоже всё так. А потом наиспашку бросаешь эти цветки. И вот, уходили тараканы, клопы. Уходили. Значит, помогало. Стары люди, верно, знали, дак вот-ты. Кто там первый придумал? Я, конечно, ничего не знаю <...> Это меня научила Мария Адамовна, она сама с Белоруссии была (зап. Т.С. Ильина, А.Б. Ипполитова, Д.М. Шлепнев).

Любовный заговор

Вот это, я скажу это, но я это слышала от людей, не знаю, насколько правда, вот всё говорили, што был... Как бы только мне вам не наврять... Если зайдёт молодой человек или так девушка, ну, в общем который, которому и хочется, штобы это... понравиться этому парню там, девушке, дак как-то старые люди, чай, наговаривали. Вот сплунут: «Как слюна моя сохнет и горит, так и ты, раб Божий, там имя, Сергей, Николай там, сохни и гори обо мне, о рабе Божью, ну, скажем, как я, Ольге, каждый день, каждую ночь, каждый час, каждую минуту. Во веки веков. Аминь». Вот это я слыхала. А правда-неправда, это уж не испытывали на себе, так не знаю, правда или нет, а слыхать слыхала от старых людей.

[Это можно и на парня, и на девушку?] И на девушку, только што «раб Божья», а на девушку так «раба Божья», по имени так

«раба Божья Ольга», «раб Божий Николай» или там как. Это слыхала тоже от старых людей. Ну вот (зап. Я.П. Талбацкий, А.Л. Топорков).

РАЗРУШЕНИЕ ЦЕРКВИ

А церкви было две. Деревянну церковь разорили, с этой деревянной церкви сделали клуб. А вот когда вот эту церковь разбирали, мне было пять лет, я маленька была. Ну, дети мы и есть дети. День солнечный такой, тёплый. Ну, и девчонки-то: «Девки, пойдёмте...» А там же этих... церковь-то разбирают — ак дощочки просто там всякие: красивые, да крашенные, да всё, да церковь-то крашена была. Но и мы взяли по такой дощочке. Пять лет дак. Играли просто да взяли. А был такой Чикин... Володя, кажется, звали его. Но вот. После нас побегал: «Вы што делаете? Бросьте!» А мы думаем: нет, мы спрячем, а потом играть ими будем. Ну, и старушки пришли тоже старенькие, которые некоторым было уж по девяносто лет да по восемьдесят с гаком: «Жадобушки...» А эти иконки-то бросят... таки пики, как вот это делали... ну, на кладбищах есть такие у оград, есь, раньше были. Этима пикамы — в выконы в глаза. А старушки плачут: «Отдайте вы нам, отдайте вы нам!» [жалобно]. Но вот. Им никому никакой иконки не отдали. Но... простите меня, я всё ж таки дощочку всё равно одну утонула. Всё равно утонула! Бежу, а это прижала к себе... тогда и платишка-то были холстовые. К холстовой платишке прижала одной рукой, а другой намахиваю. Убежала, всё равно одну дощочку вот такую [показывает размер 15—20 см] притащила домой. Папа-то узнал: «Лёленька, снеси обратно, ведь найдут, дак это расстрел». Што меня расстреляют. «Вот, нес!» — «Папа, не понесу!» А куда спрятать? Не знаю, куда. Как пойдут с обыском, а куда мне спрятать? Но и я куда-то в огород сходила, какой-то травы насобирала, мусору, и закопала туда. Штобы токо б отца не посадили, не ростреляли. Но вот. Мы пришли к Овсяниковым, а... тожо девушка старше меня на год, вторая старше, а там — маленькие были дети. Но, и старушки тут — некоторые уж девяносто годов там и все. И сидим на крыльце. Такой ясный день, нигде ни ветерка, ни тучки, ничего. Вы знаете, какой гром ударил! Это страшный гром! Мы все с крыльца, как нас будто ветром сдуло. Эти старушки-то... но а эти старушки говорят: «Ну, не перед добром, не перед добром, што-нибудь будет». Но вот и этот Володенька... сделали клуб, в клубе стали танцовать... и этово Володю... Ну, он разобрать-то разобрал это все иконки, всё-всё, деревянну церковь и клуб построил. И умер. Молодой совсем парень был, двадцать с чем-то ему годов, я не помню теперь. Умер. Но вот. Господь... Женщины, старушки-то [сказа-

Студент Я.П. Талбацкий берет интервью у О.С. Тереховой (д. Мелентьево). 2004 г. Фото А.Л. Топоркова

ли): «Вот, Господь, гот, наказал тебя за это». А Бох его знает. Што тут? Это раньше так ведь веровали, а теперь так. Всё ведь по-разному. Так где тут. Бох знает. Есть ли кака-ни сила, нет ли какой силы, али просто так уж совпадение получается или ещё што? Не знаю (зап. А.Б. Ипполитова, И.В. Лемешкин, М. Соучкова).

БЫЛИЧКИ

О лешем

[А в лесу не плутали? Лесовой не видя?] Нет. Аминь слову. Простите, што так выражаюсь. [Как?] Аминь слову. Я говорю, нет, не это, не плутала. Нет, один раз токо единственной. Пошла за грибами вечером, время было пять часов. А ребята дома: «Ребята, вы тут приготавливаете чевонибуду, а какая из них жива есть, я не знаю. Маруся, Аня, и Люся, и сын был Коля, четверо детей было <...> Лесовой, верно, и подшутил. Так они говорят: «Мы, говорят, под деревом сидим... на дереве сидим, а этот дедушко всё под деревом просидел всю ночь». Ишь как бывает всякие случаи, казусы (зап. Я.П. Талбацкий, А.А. Топорков).

О колдовстве

Я вам расскажу случай. У меня сестра самая старшая, красивая на вид была, приятная женщина, девушка. А они пришли, тогда собирались, это, клуба ведь раньше не было, так вот севодня у вас, завтра у вас, послезавтра у вас, потом опять у меня, это вечеринки устраивали. Ну, а мы жили в Бураково, где церковь, а этот паренёк жил в Ижгоре, отсюда ещё 12 верст тогда считалось туда за Лядину и туда дальше. А это отмечали сидели у Наумовых, ну, танцевали да плясали, да там раньше ведь таких танцев нет, как сейчас, фокстроты да вальсы да там всякие. А тогда «Яблочко»-да, «Коробочку»-да, «Кадриль»-да, «Русского»-да, «Барыню»-да, вот такие пляски были. Ну вот, а бабушка она старенькая была, плохо ходила, а подошла к моей сестре да эдак [глядит по волосам]: «Катюшка, ты бы вышла за нашего Макашеньку замуж!» Три раза по головы провела, вот это дело было. Ну вот, вечеринка разошлась, они все разошлись по домам. Она домой пришла, спать легла, её подрыгает, и она среди ночи убежала в Ижгору. И так там осталась жить, там и жила с ним. А он потом оказался с причудами: вот не захочет идти на работу, спрячется, ево ищет вся деревня, а он туда, раньше были картофельные ямы, это всё где картошку хранят, и репные ямы, репу пахали, и эти... на чердаки, были это... крыльцо вот, как у Богдановых (вы, не знаю, ходили?) такое крыльцо, а сверху, ну там, пространство, туда спрячется, всяко было. Ну, вот так сестра прогревала, четверо детей, ну ей конечно, не повезло, и у ней все дети погибли. Я не знаю чога <...>

[Почему нельзя было говорить «недолго»?] Так ишь как попало, на след попадаешь на какой-то, на лесовика на каково [смеется]. У нас было три девушки и вот тоже тут дом, а у ей было муж на фронте погиб, а брат, и сын, и три дочки пошли в лес тоже за ягодами и тоже недалеко, как и я, грешный человек. Но а кто-то ему говорит, што куда вы, на ночь глядячи, пошли за ягодами-то? Ну, а они, как и я, верно, повороты: «Ой, да мы недалеко, дак тут, рядом!»

Они ночовали в лесу, не могли выйти. Потом одна старушка умела отведовать, што... ей искали-искали, нигде их найти не могут. А они потом рассказывают: «Так, мама, вы ходите, мы вас видим, а дедушка сидит и пальцем нам грозит, штоб мы ему голоса не подавали».

Вот так все три дочки жили в Ленинграде, а какая из них жива есть, я не знаю. Маруся, Аня, и Люся, и сын был Коля, четверо детей было <...> Лесовой, верно, и подшутил. Так они говорят: «Мы, говорят, под деревом сидим... на дереве сидим, а этот дедушко всё под деревом просидел всю ночь». Ишь как бывает всякие случаи, казусы (зап. Я.П. Талбацкий, А.А. Топорков).

О колдовстве

Я вам расскажу случай. У меня сестра самая старшая, красивая на вид была, приятная женщина, девушка. А они пришли, тогда собирались, это, клуба ведь раньше не было, так вот севодня у вас, завтра у вас, послезавтра у вас, потом опять у меня, это вечеринки устраивали. Ну, а мы жили в Бураково, где церковь, а этот паренёк жил в Ижгоре, отсюда ещё 12 верст тогда считалось туда за Лядину и туда дальше. А это отмечали сидели у Наумовых, ну, танцевали да плясали, да там раньше ведь таких танцев нет, как сейчас, фокстроты да вальсы да там всякие. А тогда «Яблочко»-да, «Коробочку»-да, «Кадриль»-да, «Русского»-да, «Барыню»-да, вот такие пляски были. Ну вот, а бабушка она старенькая была, плохо ходила, а подошла к моей сестре да эдак [глядит по волосам]: «Катюшка, ты бы вышла за нашего Макашеньку замуж!» Три раза по головы провела, вот это дело было. Ну вот, вечеринка разошлась, они все разошлись по домам. Она домой пришла, спать легла, её подрыгает, и она среди ночи убежала в Ижгору. И так там осталась жить, там и жила с ним. А он потом оказался с причудами: вот не захочет идти на работу, спрячется, ево ищет вся деревня, а он туда, раньше были картофельные ямы, это всё где картошку хранят, и репные ямы, репу пахали, и эти... на чердаки, были это... крыльцо вот, как у Богдановых (вы, не знаю, ходили?) такое крыльцо, а сверху, ну там, пространство, туда спрячется, всяко было. Ну, вот так сестра прогревала, четверо детей, ну ей конечно, не повезло, и у ней все дети погибли. Я не знаю чога <...>

[Почему девушка убежала в Ижгору?] Верно, уж наколдовала чевони по волосам: «Катюшка, ты бы вышла за нашево Макашеньку замуж!» Она домой пошла, спать легла, после вечеринки-то, поздно, вскочила: «Мама, я ушла!» Да на Ижгору убежала (зап. Я.П. Талбацкий, А.А. Топорков).

Публикация
А.Б. ИППОЛИТОВОЙ
(Москва)

Детские «вызывания» в Пудожском районе

В основе статьи материал, собранный Пудожской экспедицией РГГУ в д. Авдеево Пудожского р-на Карелии. Все дети-информанты — воспитанники детского дома № 8.

Всего в детском доме тридцать детей от 6 до 16 лет, собранных со всего Пудожского р-на. Большинство из них имеют родителей, которые лишены родительских прав, находятся в заключении или в психиатрической больнице. Дети, прежде чем попасть в детский дом, проводят несколько месяцев в больницах. Почти каждый ребенок имеет тяжелое хроническое заболевание, нервное или психическое расстройство. Несмотря на это, воспитанники детдома не уступают другим детям села в развитии.

Собранный материал включает произведения разных жанров детского фольклора: анекдоты, частушки, «страшилки», «антистрашилки» и пр. Особый интерес представляют «вызывания». Вызываемые персонажи могут быть образами реальных людей, как правило знаменитых (Ленин, Пушкин, Виктор Цой), литературных персонажей (Пиковая дама), мифологических существ (Чертик, Гномик). В детской среде эти персонажи видоизменяются, теряют свои первоначальные черты и взамен получают новые. Они могут изменять свой общий характер, переходить из разряда «добрых» в разряд «злых» и наоборот.

Наибольшей популярностью в авдеевских детских «вызываниях» пользуются Пиковая дама, Виктор Цой, Бабка-Матюгалка, Чертик, Пекарь, Король жвачек.

Общая схема вызывания Пиковой дамы сочетает в себе старые и новые черты: на зеркале рисуется дверь и лестница, спускающаяся к оврагу с острыми клиньями (традиционное препятствие во многих компьютерных играх) и к человеку на виселице, до которого должна добраться Пиковая дама. Перед зеркалом ставятся две свечи. Пиковая дама остается одним из самых зловещих персонажей, однако она не представляется более угрозы для самого вызывающего. Вся ее кровожадность направляется на другой объект, также нарисованный ребенком, — на человечка на виселице. Принципиально изменились и те образы, в которых воплощается Пиковая дама в процессе «вызывания». Место смутного светового или черного пятна, появляющегося из глубины зеркала, заняло изображение Пиковой дамы, которое является частью рисунка, выполненного ребенком, либо персонаж остается невидимым и о его присутствии говорят появляющиеся следы (нанесенные на зеркало чернилами или губной помадой).

Виктор Цой — один из самых любимых персонажей у детей, которые днем нередко слушают его песни, а ночью имеют возможность «пообщаться» и с самим му-